

Рыцарь музыкального мира

Известия — 2001 — 15 апр. — с. 8
Сегодня 70 лет Микаэлу Таривердиеву

Великолепный симфонист, автор опер, балетов и произведений для органа, Таривердиев стал популярен, как часто бывало в XX веке, благодаря кино. Мелодии из фильмов «Человек идет за солнцем», «Король-олень», «Семнадцать мгновений весны», «Ирония судьбы...» до сих пор образуют отдельный остров в океане нашей музыки — остров душевного света, непоказного человеческого тепла и упрямой веры во все хорошее. Он не пел время и свершения. Он пел человека, был ему соразмерен и потому создал самый точный — интимный — портрет времени надежд и разочарований. Считается, что музыка — искусство чистых эмоций. Микаэл Таривердиев — один из тех мастеров, кто сделал музыку еще и искусством интеллекта.

Эти заметки по просьбе «Известий» написала вдова композитора Вера ТАРИВЕРДИЕВА, которая все делает для того, чтобы и после смерти эта замечательная жизнь продолжалась.

Романтик

При встрече Микаэлу Таривердиеву говорили: «А вот и живой классик». Он поправлял: «Полуживой романтик».

Романтиком он был во всем — в отношении к женщинам, к спорту, к друзьям. Он был Королем-оленьем, Маленьким принцем — рыцарем, оружием которого была музыка.

Он всегда считал, что музыка способна делать мир и людей лучше. Что это один из способов совершенствования мира — как и искусство вообще. Поэтому он писал человеческую музыку, хотел быть понятным, не упрощая явлений. Поэтому много работал в кино, на телевидении, писал статьи и даже две книги — «Уроки музыки» и «Предательство интеллигенции». Это тоже была попытка совершенствования мира, диалога с людьми — некое проповедничество.

Когда он выступал с концертами, всегда заканчивал встречу прямым диалогом с публикой. Я видела людей, которые, однажды побывав на его концерте, помнили об этом всю жизнь. В нашем доме хранятся мешки с записками из зрительного зала. Его спрашивали обо всем — о жизни, музыке, исполнителях. Он говорил о том, что его волновало.

Одна из глав его книги «Уроки музыки» названа «Почему нас волнуют Шекспир и Моцарт?».

«Меня часто спрашивают: люблю ли я выступать в печати по спорным проблемам, связанным с музыкой. Нет, не люблю. Я композитор, мое дело — сочинять. Резкие оценки тех или иных сегодняшних кумиров вызывают обиду у их почитателей, не говоря уже о самих кумирах. Но современная музыкальная ситуация представляется мне настолько острой, что композитор, я считаю, не может спокойно писать музыку, предоставив только критикам осмысливать созданное... Пустуют филармонические залы, все большее число людей захватывается развлекательным искусством. Само по

себе это не страшно. Но не может ведь такое «искусство» целиком заменить культуру. А что такое культура? Запечатленная память человечества... которая связывает нас с прошлым и с будущим, потому что живущее поколение — мост к нему...»

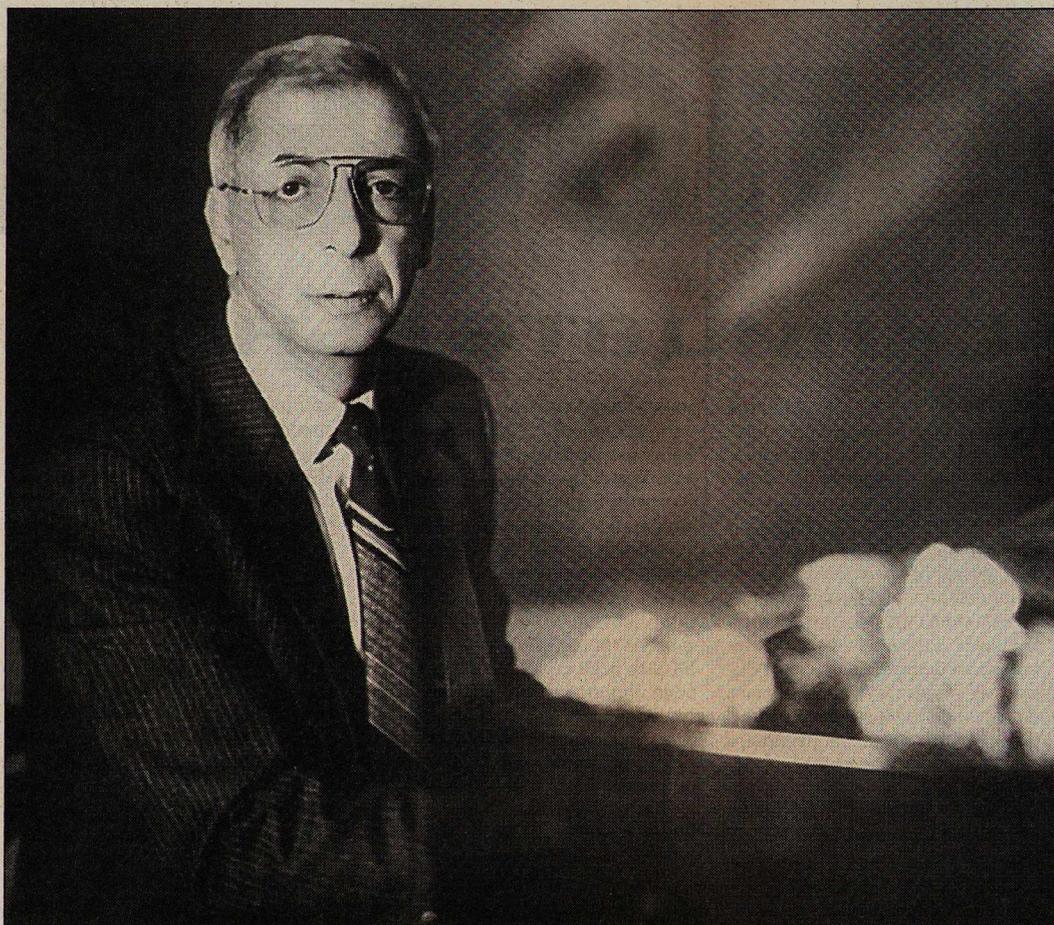
Предательство

Предательства Микаэла Таривердиева пережить не мог. А сталкиваться приходилось, и много раз. С его точки зрения, это одно из самых отвратительных человеческих проявлений. Поэтому и книгу, заказанную английским издателем, он назвал «Предательство интеллигенции». Он вкладывал в заголовок двойной смысл: как предавали интеллигенцию и как она научилась предавать сама. Писалась книга на волне всеобщего интереса к политике и новым процессам, которые происходили в обществе, и многие куски продикуваны по следам новостей — помню, как мы изучали пленку, снятую в Тбилиси во время событий 9 апреля 1989 года.

Получился сколок впечатлений, ощущений и рефлексий. Микаэл Леонович переживал, когда издательная книга не понадобилась. А потом этому радовался — все в стране быстро менялось, люди, о ком шла речь, сегодня забыты, а многие поступки видятся по-другому. Но потом эта книга, наши разговоры и записки легли в основу автобиографической книги «Я просто живу».

«Предательство интеллигенции» — эмоциональный документ времени. Думаю, его время придет. Книга писалась в период последних надежд — тогда для него свершилось предательство, которое невозможно пережить и в котором нельзя выжить.

Среди вороха посмертных публикаций мне больше всего запомнилась коротенькая статья в журнале «Домовой». Она заканчивалась цитатой из интервью Микаэла Таривердиева и — уже через порог его ухода — ответной репликой корреспондента: «Раньше я был дерзким и надеялся повлиять на то, что звучит вокруг. А потом понял: ни-

Микаэл Таривердиев остался в памяти живым человеком

Жизнь после смерти

1997 г. Вышла автобиографическая книга «Я просто живу».

1998 г. Открыта мемориальная доска в Тбилиси. Вышли 12 CD с музыкой Микаэла Таривердиева: «Воспоминание о Венеции», «До свидания, мальчики!», «Авангард Микаэла Таривердиева», «17 мгновений весны, музыка известная и неизвестная», «Предчувствие любви. Мадригалы, XX век», «Я такое дерево. Автопортрет» и другие.

Международный фонд «Новые имена» учредил стипендию Микаэла Таривердиева. Ее получает в течение 4 лет Галина Авдошина, пианистка и композитор из Нижнего Новгорода. Сегодня ей 12 лет.

Вышел фильм «Сочинение ко Дню победы» Сергея Урсуляка с музыкой Микаэла Таривердиева.

Вышел фильм о Микаэле Таривердиеве «Lacrimosa» Татьяны Скабард. Прошел Первый международный конкурс имени Микаэла Таривердиева в Калининграде — единственный международный конкурс органистов в России.

2000 г. Выставка фоторабот Таривердиева «Я ловил ощущения». Вышла комедия «Тихие омуты» Эльдара Рязанова с музыкой Таривердиева. Вышел фильм «Прощай, оружие!» Михаила Рыбакова по восьми зонгам Таривердиева на стихи Эрнеста Хемингуэя.

2001 г. Открыта мемориальная доска на доме в Москве, где жил и работал композитор. В сентябре в Калининграде пройдет Второй международный конкурс органистов имени Микаэла Таривердиева.

кто ничего не может изменить в звучащем мире. И я не могу. А теперь и не хочу». — «Простите, Маэстро. Это неправда».

И еще одна цитата из интервью в «Неделе». Речь шла о войнах в Карабахе, Абхазии. Он сказал: «Я в руки автомат не возьму. Пусть стреляют в меня».

По нему стреляли всю жизнь. В какой-то момент попали.

Железное сердце

После операции на сердце, когда ему поставили клапан, он хвастался, что у него железное сердце. Он всегда выглядел благополучным, но жил больно. У него нет музыки, которую бы он не пережил внутри себя. Он в

буквальном смысле слова вложил в нее свое сердце.

Он хотел быть понятным. Для того чтобы его поняли, его должны были услышать. Не только «Семнадцать мгновений» — то, что он считал главным: балеты, оперы, органную музыку, скрипичные концерты, концерт для альта. Все это лежало на полках, он никогда не стремился пристроить свою музыку. Жил по принципу: придет и сами попросят. И он верил в то, что услышат и придут.

Два года назад на Первый конкурс органистов имени Микаэла Таривердиева приехал голландец, который этого имени никогда раньше не слышал. Но

когда он играл Симфонию для органа «Чернобыль», меня пронзило острое чувство: как этот благополучный голландец мог услышать и понять страдания «железного сердца», как можно так точно прочитать эти нотные знаки на бумаге! Жан-Пьер Стайверс стал первым лауреатом Первого конкурса имени Таривердиева. Потом, после его концерта в Москве, мы сидели на его чемодане в Шереметьево и ждали объявления о посадке, и он спросил: «Как ты думаешь, я понравился бы Микаэлу?» — «Да он был бы в восторге! Ты ему — как сын».

Сын, которого он так и не увидел. Но Микаэл Таривердиев

его ждал. Его и других. И они стали появляться. Алексей Горibold, Екатерина Мельникова, Даниил Гришин. На второй конкурс, который будет проходить в сентябре этого года в Калининграде, подали заявки 45 человек из 18 стран. Эти люди никогда не видели Таривердиева, но поразительным образом знают его. Играющие его музыку знают его лучше тех, кто каждый день встречался с ним у подъезда нашего дома.

Когда-то он сказал: «А я и есть моя музыка».

Диван

В одном интервью на вопрос «Почему вы не уехали из этой страны?» Таривердиев полушутя-полусерьезно ответил: «Я люблю свой диван».

Куда бы он ни приезжал, где бы ни проводил хоть пару часов, он всегда переустраивал пространство вокруг себя. Переставлял мебель, располагал вещи по какой-то своей внутренней логике. Он любил свой дом, его атмосферу. Любил свой диван. Любил сидеть в его правом углу, думать, курить трубку, иногда что-то выпивать. Хорошо, если было виски. Или пиво. В отношении напитков у него была своя теория. Шампанское, по его мнению, способствовало легкомысленному флирту. Коньяк располагал к углубленным беседам. Водка «вышибала мозги» или «била по кумполу». Не любил пить из «неправильных» бокалов — напитки для него теряли вкус.

Возмущался, когда его называли «светским человеком». Под этим выражением подразумевают божественность, а он не был божественным. Но он — светский человек в правильном смысле этого слова. Светский человек — это тот, кто не делает чего-то, что может быть неприятным другому. Не сморкается без платка и не плюет на глазах у людей. К тому же он полагал, что правила поведения выдуманы не ради самих себя, а ради сохранения внутреннего пространства, достоинства, независимости, которая есть часть уважения к независимости других.

Безупречно владея формой в музыке, он владел законами формы и в жизни. Его дом был для него не просто местом прописки — он создавал форму его частной жизни, которая и есть главная форма жизни людей. «Я просто живу» — название его автобиографии.

Он без многого мог обходиться. Но не мог жить без любви. И эту форму жизни — любовь — вкладывал и в свою музыку, и в свой дом. Поэтому он и не уехал из страны — он считал ее частью своего дома.